

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

ПОЧЕМУ
ТАКОЕ ИМЯ?

Часть сборника: Мальчишки, мои товарищи (сборник)

Владислав Петрович Крапивин

Почему такое имя?

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41516740

Аннотация

«Тоник, Тимка и Римма возвращались с последнего детского киносеанса из клуба судостроителей.

– Далеко до моста, – сказал Тимка. – Айда на берег. Может, кто-нибудь перевезёт.

– Попадёт, если дома узнают, – засомневался Тоник.

Римма презрительно вытянула губы...»

Содержание

1. Почему такое имя?	4
2. Айсберги проплывают рядом	16
3. Минута солнца	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Владислав Крапивин

Почему такое имя

1. Почему такое имя?

Тоник, Тимка и Римма возвращались с последнего детского киносеанса из клуба судостроителей.

– Далеко до моста, – сказал Тимка. – Айда на берег. Может, кто-нибудь перевезёт.

– Попадёт, если дома узнают, – засомневался Тоник.

Римма презрительно вытянула губы:

– Мне не попадёт.

– Он всегда боится: «Нельзя, не разрешают...» Петька и тот не боится никогда, – проворчал Тимка. – Пойдёшь?

Тоник пошёл. Уж если маленький Петька, сосед Тоника, не боится, то ничего не поделаешь.

Обходя штабеля мокрого леса и перевёрнутые лодки, они выбрались к воде. Было начало лета, река разлилась и кое-где подошла вплотную к домам, подмывала заборы. Коричневая от размытого песка и глины, она несла брёвна и обрывки плотов.

По середине реки двигалась моторка.

– Везёт нам, – сказал Тимка. – Вон Мухин едет. Я его знаю.

– Какой Мухин? Инструктор ДОСААФ? – поинтересовалась Римка.

– Ага. Его брат в нашем классе учится.

Они хором несколько раз позвали Мухина, прежде чем он помахал кепкой и повернул к берегу.

– Как жизнь, рыжие? – приветствовал ребят Мухин. – На ту сторону?

Рыжей была только Римка.

– Сами-то вы красивый? – язвительно спросила она.

– А как же! Поехали.

– Женя, дай маленько порулить, – начал просить Тимка. –

Ну, дай, Жень!

– На брёвна не посади нас, – предупредил Мухин.

Тимка заулыбался и стиснул в ладонях рукоятку руля. Всё было хорошо. Через несколько минут Тимка развернул лодку против течения и повёл её вдоль плотов, которые тянулись с правого берега.

– Ставь к волне! – закричал вдруг Мухин.

Отбрасывая крутые гребни, мимо проходил буксирный катер. Тимка растерялся. Он рванул руль, но не в ту сторону. Лодка ударилась носом о плот. Тоник ничего не успел сообщить. Он сидел впереди и сразу вылетел на плот. Скорость была большой, и Тоник проехал поперёк плота, как по громадному ксилофону, пересчитав локтями и коленками каждое брёвнышко.

Мухин обругал Тимку, отобрал руль и крикнул Тонику:

– Стукнулся, пацан? Ну, садись!

– Ладно, мы отсюда доберёмся, – сказала Римка и прыгнула на плот. За ней молча вылез Тимка.

Тоник сидел на брёвнах и всхлипывал. Боль была такая, что он даже не сдерживал слёз.

– Разнюнился, ребёночек, – вдруг разозлился Тимка. – Подумаешь, локоть расцарапал.

– Тебе бы так, – заступилась Римка. – Рулевой «Сено-солома»...

– А он хуже девчонки... То-о-нечка, – противно запел Тимка.

Теперь Тоник всхлипнул от обиды. Кое-как он поднялся и в упор поглядел на Тимку. Когда Тимка начинал дразниться, он становился противным: глаза делались маленькими, белёсые брови уползли на лоб губы оттопыривались... Так бы и треснул его.

Тоник повернулся, хромая, перешёл на берег, и стал подниматься на обрыв по тропинке, едва заметной среди конопли и бурьяна.

В переулке, у водонапорной колонки он вымыл лицо, а дома поскорей натянул шаровары и рубашку с длинными рукавами, чтобы скрыть ссадины. И всё же мама сразу спросила:

– Что случилось, Тоничек?

– Ничего, – буркнул он.

– Я знаю, – сказал папа, не отрываясь от газеты. – Он подрался с Тимофеем.

Мама покачала головой:

– Не может быть, Тима почти на два года старше. Впрочем... – она коротко вздохнула, – без матери растёт мальчик. Присмотря почти никакого...

Тоник раздвинул листья фикуса, сел на подоконник и свесил на улицу ноги. В горле у него снова запершило.

– Тимка никогда не дерётся.

Папа отложил газету и полез в карман за папиросой.

– Так что же произошло?

– А вот то... Придумали такое имя, что на улице не покажешься. То-о-нечка. Как у девчонки.

– Хорошее имя. Ан-тон.

– Чего хорошего?

– А чего плохого? – Папа отложил незажжённую папиросу и задумчиво произнёс: – Это имя не так просто придумано. Тут, дружище, целая история.

– Мне не легче, – сказал Тоник, но всё-таки обернулся и поглядел украдкой сквозь листья: собирается ли папа рассказывать?

Вот эта история.

Тогда папа учился в институте, и звали его не Сергеем Васильевичем, а Сергеем, Серёжей, и даже Серёжкой. После второго курса он вместе с товарищами поехал в Красноярский край убирать хлеб на целине.

Папа, то есть Сергей, жил вместе с десятью товарищами в глинобитной мазанке, одиноко белевшей на пологом скло-

не. Рядом с мазанкой были построены два крытых соломой навеса. Всё это называлось: «Полевой стан Кара-Сук».

Больше кругом ничего не было. Только степь и горы. На горах по утрам лежали серые косматые облака, а в степи стояли среди колючей травы горячие от солнца каменные идолы и странные синие ромашки. Среди жёлтых полей ярко зеленели квадраты хакасских курганов. В светлом небе кружили коршуны. Их распластанные тени скользили по горным склонам.

По ночам ярко горели звёзды.

Но однажды из-за горы, похожей на двугорбого верблюда, прилетел сырой ветер, и звёзды скрылись за глухими низкими облаками.

В эту ночь Сергей возвращался с соседнего стана. Он ходил туда с поручением бригадира и мог бы там заночевать, но не стал. Утром к ним на ток должны были прийти первые машины с зерном, и Сергей не хотел опаздывать к началу работы.

Он шагал напрямик по степи. Пока совсем не стемнело, Сергей видел знакомые очертания гор и не боялся сбиться с пути. Но сумерки сгущались, и горизонт растаял. А скоро вообще ничего не стало видно, даже свою вытянутую руку. И не было звёзд. Только низко над землёй в маленьком разрыве туч висела едва заметная хвостатая комета. Но Сергей увидел комету впервые и не мог узнать по ней направление.

Потом исчезла и комета. Глухая тёмная ночь навалилась,

как тяжёлая чёрная вата. Ветер, который летел с северо-запада, не смог победить эту плотную темноту, ослабел и лёг спать в сухой траве.

Сергей шёл и думал, что заблудиться ночью в степи в сто раз хуже, чем в лесу. В лесу даже на ощупь можно отыскать мох на стволе или наткнуться на муравейник и узнать, где север и юг. А здесь темно и пусто. И тишина. Слышно лишь, как головки каких-то цветов щёлкают по голенищам сапог.

Сергей поднялся на невысокий холм и хотел идти дальше, но вдруг увидел с стороне маленький огонёк. Он горел неподвижно, словно где-то далеко светилось окошко. Сергей повернул на свет. Он думал, что придётся ещё много шагать, но через сотню метров подошёл к низкой глинобитной мазанке. Огонёк был не светом далёкого окошка, а пламенем керосиновой лампочки. Она стояла на плоской крыше мазанки, бросая вокруг жёлтый рассеянный свет.

Дверь была заперта. Сергей постучал в оконце и через несколько секунд услышал топот босых ног. Звякнул крючок и скрипнули старые шарниры. Мальчик лет десяти или одиннадцати, в большом, до колен, ватнике, взглянул снизу вверх на Сергея.

– Заблудились?

– Мне надо на полевой стан Кара-Сук, – сказал Сергей.

– У Княжьего кургана? Это правее, километра три отсюда.

А вы не здешний?

– Будь я здешний, разве бы я заблудился? – раздражённо

заметил Сергей.

– Случается... – Мальчик переступил с ноги на ногу и неожиданно спросил:

– Есть хотите?

– Хочу.

Мальчик скрылся за скрипучей дверью и сразу вернулся с большим куском хлеба и кружкой молока.

– Там совсем темно, – объяснил он, кивая на дверь. – Лучше здесь поесть.

– Ты, что же, один здесь?

– Не... Я с дедом. У нас отара здесь. Совхозные овцы.

– Значит, пастухи?

– Дед мой пастух, а я так... Я на лето к нему приехал. Из Абакана.

Сергей сел в траву, прислонился спиной к стене хибарки и принялся за еду. Мальчик сел рядом.

– Джек, иди сюда! – негромко крикнул он и свистнул. Откуда-то из темноты появился большой лохматый пёс. Он обнюхал сапоги Сергея, лёг и стал стучать по земле хвостом.

– А зачем у вас лампа на крыше горит? – спросил Сергей, прожёвывая хлеб.

– Да так, на всякий случай. Вдруг заплутает кто... А в степи ни огонька.

– Спасибо, – сказал Сергей, протягивая кружку.

– Может, ещё хотите?

– Не надо...

Сергей не стал объяснять, что сказал спасибо не за еду, а за огонёк, который избавил его от ночных блужданий.

Мальчик позвал Сергея в мазанку, но тот не пошёл. Ночь была тёплой, да и спать не хотелось. Мальчик отнёс кружку и вернулся. Они долго сидели молча. Лампа бросала вокруг мазанки кольцо рассеянного света, но мальчик и Сергей оставались в тени, под стеной.

– Ты каждую ночь зажигаешь свой маяк? – спросил Сергей. – Каждую... Только дед сердится, что я керосин зря жгу. Я теперь стал рано-рано вставать, чтобы успеть погасить. Дед проснётся, а лампа уже на лавке...

Мальчик негромко засмеялся, и Сергей тоже улыбнулся.

– Сердитый дед?

– Да нет, он хороший... Он с белогвардейцами воевал, конником был. У него орден Красного Знамени есть.

– А что же он керосин жалеет?

Мальчик не расслышал, и снова наступила тишина.

– Не скучно здесь? – спросил Сергей, чтобы разбить молчание.

– Бывает, что скучно. Это, если дождь. А так интересно, тут горы, балки. В балках ручьи чистые-чистые. И шиповник цветёт... – Мальчик нерешительно повернулся к Сергею, но не увидел лица. – А вечером делается тихо-тихо. И нет никого кругом. Спускаешься в долину и думаешь: а вдруг там что-нибудь удивительное... Смотришь, ничего нет. Только месяц над горой. Смешно?

– Нет, – сказал Сергей, и подумал, что ночью почему-то люди гораздо легче открывают свои тайны.

Сергей неожиданно задремал. Когда он проснулся, то увидел, что ночь посветлела. Снова проступили очертания гор, начинался синий рассвет.

Мальчик спал, завернувшись в телогрейку. Он сразу проснулся, как только Сергей поднялся на ноги.

– Эй, внук, – донёсся вдруг из мазанки стариковский голос, – лампу задул? А то я сегодня рано встаю.

Мальчик вскочил. Сергей весело рассмеялся и протянул ему руку.

– Мне пора... Спасибо за огонёк, товарищ.

Мальчик смущённо подал маленькую ладонь и покосился на лампу. Она всё ещё горела неподвижным жёлтым огнём.

– Как тебя зовут? – спросил Сергей.

– Антон.

– Ну, будь здоров...

Сергей пришёл на свой стан, когда первые лучи уже пробивались между облаками и каменистой грядой. В это же время подъехал на мохнатой лошадке хакас-почтальон.

– Телеграмма есть! – крикнул он. – Кто товарищ Калунов?

– Калинов, – сказал Сергей, и побледнел. – Это я.

Он рванул телеграмму и почитал первый раз быстро и тревожно, второй – медленно и с улыбкой. В телеграмме говорилось, что жена Сергея родила сына. Она спрашивала, какое дать ему имя.

– Дай коня! – закричал Сергей. – Пожалуйста, дай. Съезжу на телеграф!

– Что ты! – воскликнул почтальон. – Не могу. Ответ пиши.

И Сергей торопливо начал писать: «Поздравляю сыном Антоном родная...»

Так появился на свете ещё один Антон.

– А что дальше? – спросил Тоник.

– Всё. Конец.

Тоник, не оборачиваясь, пожал плечами и протянул:

– Ну-у... Я думал, что-нибудь интересное.

– Что поделаешь... – сказал папа.

Тоник молчал. Он приклонил голову к нагретому солнцем косяку и крепко зажмурил глаза. Ему хотелось представить, какая бывает темнота в степи, когда опускается августовская ночь.

И ещё Тонику вдруг стало обидно, что ему никогда не приходилось зажечь огонёк, который бы помог кому-нибудь.

Когда стемнело, он украдкой взял свой фонарик и вышел на улицу. В переулке горела на столбе лампочка и светились окна. За рекой переливалась целая тысяча огней. Красные и зелёные огни горел у причалов, где стояли буксиры, катера и самоходки. Далёкий самолёт пронёс над городом три цветные сигнальные лампочки... У каждого был свой огонёк, и никому, видно, не нужен был фонарик мальчишки.

И вдруг сразу исчезли все огоньки, потому что глаза То-

ника закрыли чьи-то маленькие тёплые ладони. Тоник мотнул головой и сердито обернулся. Рядом стояли Римка и маленький Петька, и в руках у Римки был небольшой узелок.

– А мы картошку печь будем, – сказал Петька. Тоник толкнул ногой с обрыва обломок кирпича и слушал, как он, падая, шуршит в бурьяне.

– Ну и пеките, – ответил Тоник.

– Антон-горемыка, – вздохнула Римка. – Ты, что, сильно тогда брякнулся, да?

– Тебе бы так, – сказал Тоник.

Римка покачала узелком.

– Мы на костре будем картошку печь. Из сухой травы огонь разведём.

– Из травы! Там щепки есть на берегу...

– А тебя отпустят? – спросила Римка.

– Маленький я, что ли...

Они уже стали спускаться по тропинке, когда Тоник всё-таки решил спросить:

– А он чего не пошёл?

– Тимка-то? Дома его нет, – объяснил Петька.

– Мы проходили мимо, – сказал Римка, – да у него в окне темно. Может, спит уже.

– Ну и что же, что темно, – пробормотал Тоник. Он подумал, что, наверное, Тимка лежит на кровати и смотрит в синее окно на далёкие заречные огоньки. Всё-таки плохо, если поссоришься, да ещё зря.

– Может, он и дома, – вздохнула Римка. – Вы не помирились, да?

– Мириться ещё... – сказал Тоник. Он остановился, подумал немного и полез наверх.

Скоро все трое были у Тимкиного дома.

– Постучи в окно, – велел Тоник Петьке.

– Ну да, – сказал Петька. – Лезьте сами. Там крапива в палисаднике во какая.

Тогда Тоник вытащил из кармана фонарик. Он включил его и так повернул стекло, что свет падал узким лучом. Тоник направил луч в окошко и стал нажимать кнопку: три вспышки и перерыв, три вспышки и перерыв...

Свет жёлтым кружком ложится на занавеску за стеклом и золотил листья герани на подоконнике.

И вот, наконец, ярко вспыхнуло в ответ Тимкино окно.

2. Айсберги проплывают рядом

О том, что к ним кто-то приехал, Тоник узнал ещё в коридоре. На вешалке висела рыжая собачья доха в бисеринках растаявшего снега, на полу лежал брезентовый тук и стоял большой потёртый чемодан.

Тоник всегда радовался гостям. Но сегодня ни гость, ни даже мысль о том, что завтра воскресенье, не улучшили настроения Тоника. Поэтому он равнодушно поздоровался с высоким лысоватым человеком в сером свитере и даже не стал никого спрашивать, кто этот человек, и зачем приехал.

– Отметки, что ли плохие принёс? – поинтересовался папа, когда Тоник нехотя сел к столу и начал царапать вилкой клеёнку.

– Отметки-то хорошие... – вздохнул Тоник и положил вилку.

– А что нехорошее? – сразу встревожилась мама. – Антон, отвечай сию же минуту!

– Да понимаешь... самолётик. Бумажный. Я его на уроке выпустил случайно. А она сразу в дневник записала.

– Кто она? Ах, Галина Викторовна! Так, – деревянным голосом сказала мама. – Ну-ка, покажи дневник.

Тоник медленно слез со стула. Он знал, что оправдываться не стоит.

А дело было так. Пока весь третий «Б» умирал со ску-

ки, слушая, как Лилька Басова объясняет у доски пустяковую задачку, Тоник мастерил из тетрадного листа маленький аэроплан.

Клочки бумаги упали на тетрадную обложку. «Будто льдины в голубой воде, если смотреть на них с самолёта», – подумал Тоник. Летать и смотреть с высоты на льдины ему не приходилось, но это было неважно.

На одном из клочков он поставил несколько чернильных точек: на льдине оказались люди. Они терпели бедствие. С северо-запада и востока на льдину двигались громадные, ослепительно сверкающие голубоватым льдом айсберги. Тоник сделал их из самых больших обрывков бумаги. Он читал недавно об айсбергах, и знал, что шутить с ними опасно. Сейчас они сойдутся, сплющат льдину, и люди погибнут в ледяной воде. Спасти их может только самолёт. Скорей!

Но пилот не рассчитал силы мотора. Самолёт ударился бумажным крылом о чернильницу, взмыл вверх и упал в проходе между парт...

– Да-а, – сказал папа, прочитав запись учительницы. А мама обратилась к гостю:

– Хорош, а? Беда с ним. – Затем она повернулась к сыну. – Спроси-ка у Германа Ивановича, пускал ли он на уроках самолёты.

Тоник исподлобья взглянул на приезжего, но тот спрятал лицо за большой кружкой и торопливо глотал горячий чай. «Факт, пускал», – решил Тоник, но промолчал.

– Мы ещё с тобой поговорим, предупредила мама, но было ясно, что гроза прошла.

В соседней комнате кто-то стал царапать дверь. Герман Иванович поднялся, и впустил крупного серого щенка. Одно ухо у щенка наполовину висело, другое было острым, как стрелка.

– Барс проснулся. Знакомьтесь.

Тоник тихо чмокнул губами. Щенок подбежал, ухватил Тоника за штанину и весело замотал головой. Он решил, наверно, что так надо знакомиться.

– У него какая порода? – спросил Тоник. – Лайка? А вы с Севера приехали? Я догадался сразу. А вы... видели айсберги?

Герман Иванович серьёзно посмотрел на Тоника.

– Нет, айсберги я не видел, – ответил он. – Очень хотелось увидеть, но до сих пор не приходилось.

Вечером Тоник, Тимка и Петька, сосед Тоника по квартире, сидели в палисаднике перед Тимкиным окном. Тоник рассказывал про Германа Ивановича.

– Весёлый такой. Он с папой в одном институте учился. Биолог-охотовед. Сейчас из экспедиции в Москву возвращается и решил нас навестить.

– Так, на Севере, наверно, полярная ночь, – с завистью сказал Петька.

– Нет, он говорит, что солнце бывает. Только оно низко стоит. Красное и большое. Когда летишь, солнце ниже само-

лёта.

– А он на самолёте прилетел?

Тимка с сожалением взглянул на Петьку:

– Чему вас учат в первом классе? Пароходы по льду не плавают.

Петька понял, что ляпнул глупость и от досады стал сбивать с веток мелкие сосульки.

– А тебе повезло, Антон, – вспомнил вдруг Тимка. – Если бы не этот ваш знакомый, влетело бы за твой самолёт.

– Тоже уж... Про всякий пустяк в дневнике писать, – сказал Тоник.

– Конечно. Вот у нас Лёнька Кораблёв живого воробья на уроке выпустил, и то ничего. Только из класса выгнали.

– Воробья? – спросил Петька.

– Ну, и Лёньку, конечно. А в дневник не писали.

– Хорошо вам, пятиклассникам, – вздохнул Тоник.

– Ага... Только пришлось Лёньке брать пальто в раздевалке и полчаса по улицам ходить, чтобы завуч не поймал в коридоре. А знаешь, какой мороз был!

– Подумаешь, мороз! Герман Иванович недавно прямо в снегу ночевал. В тайге. У него и спальный мешок есть, больший. Сверху брезентовый, а внутри меховой.

Петька оставил в покое сосульки и придвинулся ближе. У Тимки заблестели глаза.

– Настоящий?

Тоник презрительно промолчал.

– Поспать бы в нём, а?

– Я и так весь день про это думаю, – соврал Тоник, удивляясь, как такая мысль раньше не пришла ему в голову. Иметь под боком настоящий спальный мешок и не переночевать в нём!

Тимка мечтательно продолжал:

– Мы бы вдвоём в него залезли. Будто ночёвка на льдине... Не разрешат?

– Где там! – Тоник уныло махнул варежкой. – Да тут ещё этот дурацкий дневник...

Тимка наморщил лоб так, что брови уползли под шапку.

– Головы у нас есть?

– Есть.

– Значит, надо думать.

В девять часов Тимка пришёл к Тонику. Он сказал, что отец у него работает во вторую смену, сестра Зинаида ночует у Подруги, а спать одному в пустой квартире ему как-то скучновато.

– Где же тебя устроить? – задумалась мама. – На диване будет спать Герман Иванович. На раскладушке вдвоём с Тоником вы не поместитесь. Может быть, на полу?

– А знаешь, – Тоник с серьёзным видом почесал затылок, – если так сделать: Тимку – на раскладушку, а для меня попросить у Германа Ивановича этот... как его... спальный мешок?

– Ещё новости! – воскликнула мама.

– Да вы не бойтесь, Зоя Петровна, – сказал Герман Иванович и подмигнул Тонику. – Блох в мешке нет.

Мама сделала вид, что совсем не думала про блох и пошла за простынями, чтобы постелить их внутрь мешка.

Ребят поместили в маленькой комнатке, дверь которой выходила прямо на лестницу.

– Пора, – прошептал Тимка, едва был погашен свет и в квартире наступила тишина. – Ну-ка, подвинься.

Печально скрипнула покинутая раскладушка, и Тимка штопором ввинтился в спальный мешок.

– Простыни выкинуть, – заявил он. – В снегу с простынями не ночуют.

Они выкинули простыни и несколько минут прислушивались к тишине. Вдруг в коридоре раздалось осторожное шлёпанье босых ног. Кто-то сказал свистящим шёпотом в замочную скважину:

– Тоник, открой, а?

– Петька. Чего ему надо?

Тоник скользнул к двери и открыл, стараясь не скрипнуть. В полумраке он увидел две маленькие фигурки, завёрнутые в одеяла.

– Вам чего?

– В мешок, – сказал Петька.

– Дубина! Марш домой! – прошептал из мешка Тимка.

– Я тоже хочу в мешок, – хнычущим голосом сказала вторая фигурка. Это был пятилетний Петькин брат Владик,

прозванный Кляксой за постоянное нытьё.

– Не влезем же! А Клякса-то ещё зачем?

– Не отстаёт, рёва.

В соседней комнате раздались тяжёлые шаги. Тимка молнией вылетел из мешка на раскладушку.

– Лезьте, черти, – выдохнул Тоник и захлопнул дверь. Они с Петькой ухватили Кляксу и затолкнули его в мешок. Петька тоже укрылся в мешке. Тоник остался стоять посреди комнаты.

Герман Иванович осторожно приоткрыл дверь.

– Хлопцы, пусть Барс у вас переночует. Можно?

– Можно, – сказал Тоник. – А вы уже легли? А я вот...

тоже... ложусь.

Теперь в мешке было очень тесно.

– Звали вас? – зашептал Тимка. – Мне Клякса коленкой позвоночник сверлит. А ну, лежи тихо!

Клякса попробовал заныть.

– Заткнись, – сказал Петька так сурово, что Клякса сразу замолчал.

– Ну и достанется нам утром, – вздохнул Тоник.

– Мы рано уйдём. Не заметят, – успокоил Петька.

Минуты три они молчали. Клякса начал мирно посапывать носом. Где-то в углу тихонько скулил во сне Барс.

– Знаете что? – начал Тимка. – Просыпать нам нельзя. Попадёт, если увидят. Давайте дежурить по очереди. Каждый час меняться будем. Вон и часы.

В темноте светился циферблат будильника.

– Здорово, – сказал Петька. – Будто мы в походе.

– Давайте, будто наш пароход налетел на айсберг, и мы высадились на льдину, – предложил Тоник.

– На что налетел? – не понял Петька.

– На айсберг, на ледяную гору. Такие в северных морях плавают.

Тимка не согласился высаживаться на льдину.

– Там еды нет. Лучше на необитаемый остров. На острове хоть белые медведи.

Они поговорили ещё немного, поспорили, водятся ли на Северном полюсе пингвины и бывает ли над южным полюсом северное сияние. Потом договорились, что первым будет дежурить Тимка. Кляксу от дежурства освободили.

У Тоника слипались глаза.

– Спишь? – спросил Тимка.

– Сплю. Чего нам бояться? Полярная ночь кончилась.

– Скоро за нами придёт самолёт.

– Конечно. Но следи за белыми медведями. Возьми мой револьвер.

Через час Тимка локтем растолкал Тоника.

– Твоя очередь. Слышишь?

– Ага... – зевнул Тоник.

Тимка повернул голову и прошептал ему в самое ухо:

– Ты Петьке дай поспать побольше. Всё-таки мы старшие.

– Конечно, – пробормотал Тоник. – Дам...

Он сказал это машинально, а думал о другом. Тоник думал, что тень, которая ложится от него на снег, очень длинная. Так было потому, что солнце стояло совсем низко. Большое, красное, как спелый помидор, оно повисло над кромкой льдов. Снег был залит оранжевым светом. Фиолетовые тени далеко тянулись по нему от ледяных глыб.

Льды кончались у чёрных береговых скал.

У самого берега медленно плыли айсберги. Они были громадные, как горы. С одной стороны их освещали красные лучи, с другой, в тени, айсберги были голубые. Они целиком отражались в тихой тёмно-зелёной воде. Потом по снегу скользнула большая тень, и в воздухе стал кружить самолёт. Был он белый, в тонкую синюю клетку. Громко шуршали его бумажные крылья...

Утром, в половине девятого, Герман Иванович пошёл в комнату, чтобы взять из чемодана бритву. Он открыл дверь и замер на пороге. Из его спального мешка торчали четыре головы. Справа виднелся аккуратный Петькин чубчик, за ним тёмный взлохмаченный затылок Тоника, Тимкин белобрый ёжик и стриженная под машинку круглая голова Кляксы.

А в раскладушке, удобно расположившись на чистой простыне, спал Барс. Он морщил нос и беззвучно рычал. Барсу снились белые медведи.

3. Минута солнца

У забора, где растут большие лопухи и высокий репейник, есть скамейка. Это даже не настоящая скамейка, а старая доска на столбиках из обломков кирпичей. Столбики сложили ребята. А доску они оторвали от забора, чтобы получилась лазейка. Теперь хорошо: и дорога к реке стала короче, и скамейка есть. Можно здесь посидеть и поговорить о разных вещах.

Но сейчас говорить не с кем. Тоник сидит один. Тимка всё ещё купается, а Петька с Кляксой и Римка ушли обедать. Только на самом конце скамейки греется на солнышке тощий кот Аркашка. Он дремлет, но один глаз у кота всё равно приоткрыт. Аркашка и во сне следит этим глазом, нельзя ли поймать бабочку или даже воробья, чтобы сожрать. Серый Аркашка ещё не совсем взрослый кот, но бандит и обжора.

С другого конца двора слышен голос:

– Тоник, иди же, наконец, обедать!

Это мама зовёт его. Но уходить Тонику не хочется. Солнце пригревает голые плечи, маленький ветер трогает волосы, которые уже высохли после купания. Иногда хорошо посидеть просто так, глядя, как качаются листья травы.

– Щас, – говорит Тоник. – Это значит «сейчас».

– Никаких «щас»! Всё остынет. Через минуту чтобы был дома!

Минута – это много или мало? Тоник не раз сидел здесь и знает, что за минуту тень от забора должна переползти с рыжего кирпичного обломка примерно вон до того клочка бумаги в траве. Чтобы ветер не сдвинул бумажку с места, Тоник вытягивает ногу и прижимает клочок пяткой.

Тень движется почти незаметно для глаза. Но зато очень даже заметно для глаза выползает из травяных джунглей чёрный жук с усами. Жук блестящий и круглый. Величиной он с копейку. Жук карабкается, как по канату, по шнурку от тапочки и взбирается на ногу к Тонику. Тоник вздрагивает и хочет сбросить усатого гостя. Только тут же спохватывается, потому что надо воспитывать в себе смелость. А как быть смелым, если пугаешься какого-то жучка?

Тоник решает сидеть и не шевелиться. Жук очень быстро ползёт вверх по ноге. Даже совсем его не чувствуешь, такой он лёгкий. Но хоть лёгкий и маленький он, а всё равно страшновато: вдруг возьмёт, да как цапнет! Но жук не цапает, а мирно продолжает свой путь. Добрался почти до колена. Здесь он останавливается и начинает шевелить усами. «Зачем он полез на такую высоту?» – думает Тоник. Наверно, это очень любопытный жук. А может быть, это даже великий путешественник из Страны насекомых. Он бродил сейчас в незнакомом лесу из гигантских репейников, среди кирпичных скал под лопухами. громадными, как зелёное небо. Когда-нибудь путешественник вернётся домой, и на радостях насекомые устроят бал. Божьи коровки будут во-

дить на широких листьях медленный хоровод, разноцветные бабочки примутся танцевать «Вальс цветов» под оркестр весёлых кузнечиков. А знаменитый жук сядет в кругу усаых родственников и соседей и начнёт рассказ про чужие края, приключения и встречи с чудовищами.

Тоник подумал о чудовищах и покосился на кота. Вовремя вспомнил. Аркашка открыл оба глаза. Полосатый хвост его тихо вздрагивал от охотничьего азарта. Аркашка увидел жука!

Тоник пальцем сбросил «путешественника» в траву, а ко-ту показал язык. Аркашка с досады зажмурил оба глаза. А жук скрылся в траве. Наверное, сидел под лопухами и думал о непонятной силе, которая швырнула его с высокой горы. Будет о чём рассказать друзьям насекомым!..

Край тени, пока Тоник наблюдал за жуком, сполз с кирпичного обломка и почти коснулся бумажного обрывка. Тень делалась всё короче, освобождая место для солнца. И вдруг самый храбрый луч, который дальше других забрался в траву, заблестел на чём-то серебристом.

Тоник не успел даже заинтересоваться, что это там загорелось под солнцем. Он сразу вспомнил, как увидел такой же серебряный блеск в густом лесу.

Это случилось в начале лета. Тоника и ещё многих третьеклассников должны были принимать в пионеры. Сбор дружины решили сделать необычным, провести его в лесу. Кончался май, и вокруг широких полей празднично шумели

светлые берёзки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.